

Дорогой Леонид Ильич...

"АиФ" продолжает публиковать отрывки из книги "Омут памяти" Александра Николаевича ЯКОВЛЕВА.

Маразм на высшем уровне

В ПЕРВЫЕ годы после переворота Брежнев был достаточно активен. Иногда сердился по поводу разных безобразий, разгильдяйства, но без особого вдохновения. Последствий тоже не наблюдалось. Бывало, что во время работы за городом отпускал очень едкие замечания в адрес Подгорного, Кириленко, Шелеста и других. Кроме, пожалуй, Суслова и Андропова. Одного почтительно называл Михаил Андреевич, другого - Юра, всех остальных - по фамилиям. В общении достаточно демократичен. В самом начале своего правления он даже поговаривал о реформах. Умел выслушивать разные точки зрения. Но постепенно все это ему надоело. Страна поплыла по течению. Многих это устраивало, особенно номенклатуру. В восторге были военные - Брежнев не жалел денег на милитаризацию.

Брежнев никогда ничего не писал и даже не правил, ручку не брал в руки, если не надо было подписывать какие-то официальные документы. Ему зачитывали текст, а он одобрительно кивал головой или, прервав, начинал рассуждать о том, что ему в голову приходило. Любил делиться воспоминаниями из собственной жизни, поглаживая одновременно коленки сидящих рядом стенографисток. Не скажу, что занятие такое уж плохое, но и не стану уверять, что оно помогало демонстрации государственной мудрости. Да и нам было завидно.

Брежнев везде и всюду просовывал во власть своих дружков и собутыльников. Щелокову и своему зятю Чурбанову он отдал МВД, приблизил к себе секретаря ЦК Черненко, предсовмина Тихонова, командующего Московским военным округом Грушевого, заместителей председателя КГБ Цинева и Цвигуна... Он опирался на таких людей, как председатель КГБ Андропов, министр обороны Устинов, министр иностранных дел Громыко. Побоялся Суслова. Он ему верил, может быть, больше, чем другим. Когда предварительно решали, кем заменить Хрущева, произносилась и фамилия Суслова. Но он отказался и предложил Брежнева. Напряженные отношения у Брежнева были с Косыгиным.

Во времена Брежнева - Андропова на Политбюро утверждались даже нормы кормления штатных животных органов МВД. Рассматривались вопросы и такого характера: "О техническом обслуживании легковых автомобилей", "О поршнях танковых дизелей". И, конечно же, о всех награждениях. Политбюро регулировало, кого награждать, кого поощрить, кого приблизить, кого нейтрализовать и запугать, кого просто купить.

Брежнев ехал в Баку, чтобы увидеть самому, каковы порядки в национальных республиках, соответствуют ли действительности доклады Андропова о коррупции и сепаратизме. Но все закончилось конфузом. Аудитория покатила с хохоту, когда Леонид Ильич, стоя на трибуне перед тысячами людей и телевизионными камерами, начал провозглашать обеденный тост за здоровье Алиева. Кто-то нервно выбежал из президиума, подскочил к Брежневу, зашептал на ухо. Леонид Ильич по-детски рассмеялся в микрофон: "Мне тут не ту бумажку подсунули..."

В Казахстане создали по одной из брежневских книг ораторию. В Малом театре шла пьеса по его автобиографии. Заведующий отделом пропаганды ЦК Тяжелников отыскал в довоенной заводской малотиражке заметку о молодом Брежневе и под громкие аплодисменты зачитал ее на съезде партии. Первый секретарь Краснодарского крайкома Медунов говорил о том, что народная любовь к Брежневу "неисчерпаема", что он "с гениальной ясностью раскрыл" и т. д. Лавина бреда катилась по стране, а страна на всех парах неслась к катастрофе.

Как сломался "совок"

ХРУЩЕВ, отвергнув постулат Сталина о неизбежности третьей мировой войны, взял курс на мирное сосуществование. В "железном занавесе" просверлили первые дырки, но только для "истинных борцов за

бессмертное ленинское дело".

И замелькали слова: "Валюта, доллар". Всесилие доллара с ликами американских президентов и немощь рубля с "родным Ильичем" привели к тому, что в Москве и других крупных городах появились валютные магазины "Березка". Они стали своего рода "посольствами доллара", как бы получили экстерриториальность.

Стремительно росло число иностранных туристов. Около гостиниц с туристами зароились парни, которых вскоре окрестили "фарцовщиками" и "валютчиками". Пренебрегая риском обвинения в шпионаже, что было проще простого, эти жертвы непрекращающейся войны большевиков с собственным народом первыми начали разносить по стране западную идеологию в форме валюты и ширпотреба. КГБ получил дополнительные деньги на содержание агентуры. Некоторые фарцовщики и им подобные были прямыми агентами КГБ и действовали по его поручению. Гиды Интуриста, давно уже превращенного в филиал службы контрразведки, на глазах у изумленных западных туристов бросались врукопашную на фарцовщиков, пытаясь скрутить их и сдать в милицию.

Возмущению номенклатуры не было предела. Простая методика, с помощью которой арестованные парни зарабатывали свои доллары, их потрясла, заставив с ужасом подумать, что вот так запросто и другие люди бросят работать на "родную партию" и начнут работать на себя, причем с немыслимой эффективностью.

Я как-то слышал, что академик Сахаров, надев три Звезды Героя, пришел в "Березку", набрал товаров и пытался расплатиться рублями. Кассирша пришла в изумление, когда словно из-под земли выскочили соответствующие товарищи в штатском и начали проводить "беседу". Андрей Дмитриевич ткнул им трешку, на которой было написано, что она, эта трешка, обеспечивается "всею достоянием Союза ССР и обязательна к приему на всей территории СССР во все платежи для всех учреждений, предприятий и лиц по нарицательной стоимости".

Академику начали объяснять, что есть "специца" и "спецрубли", что это для иностранцев и прочее. Сахаров резонно возразил:

- Но это же советская территория, не посольство!

Соответствующий товарищ сообразил, что три Звезды Героя кое-что значат, побежал звонить начальству. Лубянка быстро ответила: "Рубли принять!"

Конец эпохи

В 1976 г. Брежнев перенес тяжелейший инсульт. Тщательно ранее скрываемая мания величия полезла наружу: отсюда "орденодождь": четыре Звезды Героя Советского Союза (с самим Жуковым сравнялся), Звезда Героя Соцтруда, орден Победы, золотое оружие, Ленинская премия и прочая мишура.

Номенклатура торжествовала. Она просто мечтала именно о таком впадшем в детство Генеральном секретаре. Царствуй, но не правь. Стала пропадать память. К себе он допускал только отдельных людей, а в конце политической жизни - всего двоих. Константина Черненко и своего референта Галину Дорошину. К ним он питал особое доверие. Кстати, Дорошина - вполне достойная женщина, никогда не спекулировала своей близостью к Леониду Ильичу.

Как и все остальные "небожители", Андропов готовился к смерти Брежнева. На него планировалось списать и Афганистан, и польскую "Солидарность", и ослабление позиции СССР на Ближнем Востоке, и начавшийся развал коммунистического движения в мире, и вредоносные послабления во внутренней политике, выразившиеся в частичном разрешении еврейской, армянской и немецкой эмиграции, что вело

к активизации националистических настроений в союзных республиках. Потом все это свалили на перестройку.

В 1982 г. во время визита в Ташкент у Брежнева случился очередной инсульт. Реанимационная бригада, в течение многих лет ни на шаг не отходившая от больного вождя, снова вернула его к жизни. Он даже отстоял положенное время на трибуне Мавзолея 7 ноября 1982 г. Этот день врезался в мою память. По телевидению показывают полуживого Брежнева на Мавзолее. Тяжело дышит, еле поднимает руку, еле стоит. Было видно, что дни его сочтены. Через три дня его не стало. Молва гласит, что с трибуны его уводил Андропов. Он же возглавил Государственную комиссию по организации похорон. Он же по старой советской традиции стал следующим Генсеком.